

Термин «узденъ» в северокавказском историческом контексте

Фатима Анатольевна Озова

Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований
им. Х. Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, fo7799@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2274-8346>

Аннотация. Данные языковых словарей дают основания для выделения двух основных исторических значений термина «узденъ»: 1) феодальной знати (узденъ) и 2) лично свободных крестьян («узденъ»). Методологически важным положением для анализа бытования этого многозначного термина в северокавказских обществах средневековья и нового времени является тезис о необходимости разделять сословное происхождение и служебный статус княжеских вассалов. Монголизм «устен»/«усден», заимствованный в северокавказские языки в различное время и по разнообразным экстралингвистическим причинам, менял свою семантику в зависимости от исторической эпохи и от социальных реалий того или иного социума. Но в итоге многообразные интерпретации термина «узденъ» оказываются тесно связанными с представлениями рассматриваемых эпох об идее свободы.

Ключевые слова: устен, узденъ, монголизм, тюркизм, контаминация, уорк, дворянин, свободный человек, «узденъ»

Для цитирования: Озова Ф. А. Термин «узденъ» в северокавказском историческом контексте // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 15–23. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-15-23>. EDN LJKRFC

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

The term «uzden» in the North Caucasian historical context

Fatima A. Ozova

Karachay-Cherkess Order "Badge of Honor" Institute of Humanitarian Studies named after
H. H. Khapsirokov, Cherkessk, Russia, fo7799@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2274-8346>

Abstract. The data of language dictionaries provide grounds for distinguishing two main historical meanings of the term “uzden”: 1) feudal nobility (uzden) and 2) personally free peasants (“uzden”). A methodologically important position for analyzing the existence of the term “uzden” in North Caucasian societies of the Middle Ages and modern times is the thesis on the need to separate the class origin and service status of princely vassals. The Mongolism “uzden”, borrowed into North Caucasian languages at different times and for various extralinguistic reasons, changed its semantics depending on the historical era and the social realities of a particular society. But ultimately, the diverse interpretations of the term “uzden” turn out to be closely related to the ideas of the eras under consideration about the idea of freedom.

Keywords: usten, mongolism, turkism, contamination, nobleman, free man, “uzden”

For citation: Ozova F. A. The term «uzden» in the North Caucasian historical context. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):15–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-15-23>. EDN LJKRFC

Важность терминологических исследований для выявления своеобразия, особенностей социально-политического развития того или иного общества не приходится доказывать. Более того становится все более очевидным, что именно максимально бережное отношение к фактам языка и социальной истории должно лежать в основе изучения этнической истории. Исконные термины, будучи образованы в недрах родного языка и на местной почве, отличаясь конкретностью и максимальным соответствием обозначаемым ими реалиям [1, с. 11], дают возможность для более глубокого осмысления исторических процессов.

Актуальность для кавказоведения терминологической работы усиливается тем, что значительная часть источников по истории народов Кавказа, в том числе и черкесов, созданы на иностранных языках – русском, турецком, арабском, греческом, латинском, английском, немецком, французском, грузинском, армянском и др. При этом, когда абсолютное большинство социально-политических дефиниций, принятых в научном обиходе, также являются иноязычными, необходим анализ соответствия между ними и исконными историческими терминами.

В настоящей статье предпринят историко-этнографический анализ социального термина *узден*, часто встречаемого в русскоязычных исторических источниках. Общим является то, что термин *узден* обозначает во всех языках народов Северного Кавказа, принадлежащих к различным генетическим группам (адыгской, дагестано-нахским, тюркским, индоевропейским), определенную социальную прослойку, но какую именно – этот вопрос должен рассматриваться в каждом отдельном случае [2, с. 133, 134]. Следует учесть, что семантика этого социального термина менялась в различные исторические эпохи и зависела от социальных реалий того или иного общества. Данные языковых словарей дают основание для выделения двух основных значений термина *узден*: 1) феодальной знати и 2) лично свободных крестьян.

Важнейшей предпосылкой для историко-этнографической работы служит опубликованная более чем тридцать лет назад блестящая статья дагестанских лингвистов Н. С. Джидалаева и Т. М. Айтберова «О термине “узден”¹. на Северо-Восточном Кавказе» [1, с. 32]. Главная заслуга ученых состоит в том, что на богатом лингвистическом, фольклорном и историческом материале многих народов Северного Кавказа они показали, что этот термин имеет как монгольские, так и тюркские корни. В статье убедительно продемонстрированы различия в этнических версиях заимствованного монголизма: в графическом оформлении и лексико-семантической адаптации. Цель настоящей работы – на основе лингвистического анализа Н. С. Джидалаева и Т. М. Айтберова исследовать термин *узден* с целью выявления экстралингвистических причин его заимствования, связанных с внутренним имманентным развитием различных социумов северокавказского региона.

Монголизм *устен* / *усден*

О монгольском происхождении социального термина *узден* писал еще Ф. И. Леонтович: «узденъ» – слово «несомненно монгольского происхождения» [3, с. 425], это были княжеские телохранители, принадлежавшие к дружине князей, «буквально дружинники» [3, с. 426]. Методологически важным является замечание Ф. И. Леонтовича, что «черкесские уорки – уздени представляют замечательную параллель, как с монгольскими зайсангами (дружинной князей), так и с древнерусскими боярами, дворянами и дружинниками. Уоркъ, подобно нашему боярину или дворянину, имел **сословное значение** знатного, благородного, занимавшего определенное общественное положение в роде или общине; но **в служебном отношении** к князю, как представителю рода, тот же уоркъ (как у нас боярин) являлся старшим или младшим “узденем” – буквально дружинником» [3, с. 426] [выделено нами. – Ф. О.].

¹ Несмотря на то, что в статье анализируются сведения языков народов центральной и восточной части Северного Кавказа, можно говорить, что ее выводы распространяются и на Западный Кавказ, так как в кабардинском (кабардино-черкесском литературном) и кяхском (адыгейском литературном) диалектах черкесского языка социальный термин *узден* имел одинаковую семантику.

Таким образом, Ф. И. Леонтович уточняет семантику термина *узденъ*, разделяя сословное происхождение и служебный статус его носителя.

В отношении уорков эти качества накладываются друг на друга, так как на службе князя в качестве дружинников (монг. узденей) находились прежде всего люди благородного происхождения (тлекотлеши, дыжинуго). На наш взгляд, термин *узденъ* княжеской дружины можно сопоставить с термином *офицер* регулярной армии. Очевидно, в черкесском (как и в монгольском) обществе узденями могли быть изначально только вооруженные кавалеристы, т. е. представители знати, простолюдины не имели права быть всадниками и, соответственно, не могли входить в княжескую дружину.

В эту логику ложится и этимология монгольского этимона *устен / усден*: «Монг. ус “корень, основание, происхождение; род, родовитость” и -ден (от тан // тен) – монг. суффикс, образующий собирательные имена по какому-либо признаку, то есть *устен / усден* “коренные; родовитые; знать”» [1, с. 30]. Н. С. Джидалаев и Т. М. Айтберов отмечали, что монгольский этимон в форме *Usden* содержится в одном из списков юридического памятника «Цааджин бичик» / «Монголо-ойратские законы» (1640). Но, как пишут ученые, его заимствование в кавказские языки произошло гораздо раньше, т. е. еще тогда, когда калмыки обитали к востоку от Волги, имея центром Семиречье. Соответственно, делается заключение, что он мог быть заимствован в период политического доминирования на Кавказе Монгольской империи (1206–1368) и Золотой Орды (1269–1459).

Изначальный ареал распространения термина *усден / усден*, обозначавшего знатных людей, представителей воинского сословия [1, с. 32], охватывал политические образования, значительную часть которых составляли кумыки и черкесы – обитатели северокавказских равнин. Со второй половины XVI в. вследствие контактов с населением Северного Кавказа в русских документах появляется термин *устен / усден* в форме *узденъ* [1, с. 31, 32], которым «обозначают дружинников и дворян различных адыгских и дагестанских князей» [1, с. 14].

Н. С. Джидалаев и Т. М. Айтберов, опираясь на сведения С. Хан-Гирея, отмечали, что черкесы в XIX в. между собой не употребляли термина *узденъ*, но при этом подчеркивали, что в черкесском языке такой термин бытовал в XVI–XVII вв. [1, с. 28]. В. И. Абаев дал графическое оформление и семантику этого черкесского заимствования: «В старокабардинском слово *wasdany, wastan* означало *дружинник, рыцарь*» [4, с. 105]. Очевидно, что фонетически и семантически черкесское заимствование *wasdany, wastan* идентично монгольскому этиму. П. В. Гидулянов, использовавший русскую форму монголизма *устен / усден – узденъ*, отмечал, что в Кабарде к высшей знати относились наиболее родовитые после пши / князей тлекотлешские фамилии Тамбиевых, Куденетовых и Анзоровых, «имевшие права не только на землю, но и на жившее на ней население» [5, с. 610]. Словарь русского языка также относит к черкесским узденям только одну группу «феодалов в Кабарде и Адыгее» [6, с. 474].

Следует отметить, что не только в русском языке особо выделялись черкесские (кабардинские) высокородные уздени (тлекотлеши), но и в ряде северокавказских языков. Несмотря на то, что в чеченском и ингушском языках обращенный внутрь чеченского и ингушского обществ термин *узденъ* (чечен. *оьзда*, ингуш. *эзди*) означал «свободный человек, свободный крестьянин», в чеченском и ингушском фольклоре имеются предания и песни, повествующие о кабардинских и кумыкских князьях с их высокородными узденями. В одной из ингушских песен поется: «Ты что, сын вдовы, так возгордился, как будто кабардинское узденство ты получил, или как будто княжеское достоинство ты получил?» [1, с. 21]. Очевидно, перечисление кабардинского узденства в ряду с княжеским достоинством говорит само за себя.

Аналогичная ситуация с устареванием термина *устен / усден* имела место и в кумыкском языке, где он был графически оформлен как *оьзден*. Словарь кумыкского языка толкует его как «незакрепощенный крестьянин в феодальном Дагестане» [1, с. 14]. Н. С. Джидалаев и Т. М. Айтберов, ссылаясь на мнение первого кумыкского историка Д. М. Шихалиева (ум. ок. 1880 г.), отмечают, что этот термин означал также дворянина: «Узденъ, в прямом переводе значит вольный человек, но в практическом значении, это слово знаменует дворянина,

владельцу землею и по рождению чистого от смеси с рабским состоянием» [1, с. 17]. Таким образом, в кумыкском языке термин *оьзден* стал полисемантическим, обозначая как дворянина, родовитого, знатного человека, так и свободного, незакрепощенного крестьянина [7, с. 230]. В первом значении (дворянин, знать) термин *узденъ* бытовал на равнинных территориях Дагестана.

Также довольно высокий социальный статус подразумевался устаревшим в какой-то момент термином *узденъ* у тесно связанных политически с кумыками лакцев: «Для лакцев начала XVIII в. уздени (араб. текст *узданияйун*) являлись давно существующим социальным слоем, традиционно стоящим ниже чанков – членов “священного” правящего рода» [1, с. 18].

Однако, следует обратить внимание на продолжение вышеназванной статьи П. В. Гибулянова. В ней он распространяет социальный термин *узденъ* наряду с черкесской высокородной знатью (тлекотлешами) также на уорков **нижшего** порядка [5, с. 610] [выделено нами. – Ф. О.]. Казалось бы, это парадоксальное продолжение статьи П. В. Гибулянова порождает вопрос: как же термин *узденъ* объединяет уоров-тлекотлешей и служилых уорков? В последнем случае речь может идти как о беслен-уорках, так и об уорках-пшикеу. И те, и другие считались *телохранителями*, оградой (черк. пшикеу) князя. Но если беслен-уорки были уорками II степени, то уорки-пшикеу хотя и считались уорками IV степени, в черкесской социальной номенклатуре занимали промежуточное положение между уорками (дворянами) и находившимися в поземельной зависимости от князей пши-уна-оггами, из которых и происходили. И это противоречие, на наш взгляд, снимается вышеприведенным высказыванием Ф. И. Леонтовича, разделяющим социальный и служебный статус, что позволяет причислять к узденям только княжескую дружину. Таким образом, исходя из семантики монгольского этимона, к узденям в Черкесии относились все находившиеся на военной службе при князьях, т. е. княжеские вассалы, начиная от высокородных тлекотлешей, заканчивая уорками-пшикеу – княжескими вольноотпущенниками, получившими «свободу, в благодарность за некоторые услуги» [8, с. 200]. В обоих случаях в черкесской социальной номенклатуре речь шла о телохранителях князей, что также семантически идентично слову-этимону.

В XIX в. заимствование *wasdany / watan* устарело и уже не употреблялось в черкесском языке. При этом заимствование *узденъ*, использовавшееся к тому времени широко в русском языке и во многих кавказских языках, продолжало часто применяться сторонними наблюдателями к социальной действительности Черкесии. После того, как Кабарда стала частью Российской империи, термин *узденъ* в контексте становления нового административно-управленческого и судебного порядка в Кабарде стал чаще употребляться в отношении всех категорий кабардинских уорков. В русском языке тлекотлеша и дыженуго назывались еще «знатыми узденями», беслен-уорки – «ближними узденями» [9, с. 92, 93]. Очевидно, ранее не входившие в число узденей уорки-шаотлигуса – вассалы дворян, теперь стали именоваться просто узденями. В. К. Гарданов отмечал, что «по мнению сословной комиссии Терско-Кубанской области, наименование адыгских (черкесских) дворян-уорков узденями появилось как “навязанное секретарем Кабардинского суда Шардановым во времена ермоловские с предвзятою целью”» [1, с. 24]. А уже к середине XIX в. кабардинцы «стали постепенно сами употреблять названный термин в своих заявлениях, адресованных в Кабардинский временный суд и другие учреждения, ведавшие делами горцев» [10, с. 180]. Таким образом, можно говорить о вторичном заимствовании этого термина, но уже из русского языка.

На игнорирование исконного термина и неоправданное использование заимствования *узденъ* при описаниях черкесского социума сетовал С. Казы-Гирей: «В разделении узденей, показана новая, неизвестная Черкесам степень: Узденья-уорк. Слово *узденъ* (татарское), а *орк* (черкесское) тождественны и каждое имеет значение, сообразное русскому слову *благородный*, но в соединении не имеют никакого смысла. Черкесские уздени на их природном языке называются *орк* или *ворк*» [11, с. 110] / черк. *уэркъ*. Неприятие социального

термина *узденъ* черкесским хануко (черкесский сословный разряд, происходивший от крымских Гиреев) С. Казы-Гиреем, очевидно, было связано и с полной трансформацией термина *узденъ* в его время, когда узденями стали называть также «незакрепощенных крестьян-общинников» [6, с. 474].

Контаминация монголизма *устен* / *узден* с тюркским *оьзден*

В XVIII – первой половине XIX в. на Северном Кавказе узденями широко стали называться лично свободные крестьяне-общинники, отличавшиеся от других категорий крестьян, в частности от феодально-зависимых и посаженных на землю, «личной свободой и экономической независимостью» [12, с. 63]. В аварском языке *оьзден* бытовало в значении *человек свободного происхождения, у которого не было рабов между предками* [1, с. 15] или – *независимый от феодала крестьянин* [1, с. 14]; в кумыкском – *оьзден* – *незакрепощенный крестьянин*; в лакском – *уздантал* – *свободные крестьяне* Казикумухского ханства; в лезгинском – *уьзден* – *свободный крестьянин*, в чеченском – *оьзда* – *свободный человек, свободный крестьянин*; в карачаево-балкарском – *ёзден* / *оьзден* – *свободный крестьянин*, в ногайском – *оьзден* – *свободный крестьянин* [1, с. 21, 23], в осетинском – *узденъгали* – *самостоятельные люди, владевшие землей* [13, с. 166].

Существует расхожее мнение, что термин *узденъ* в вышеназванных случаях был заимствован из тюркских языков, хотя значение «независимый» за тюркизмом *оьзден* источники не зафиксировали. Н. С. Джигдалаев и Т. М. Айтберов отмечали, что «исходя из семантики “лично свободный, независимый крестьянин”, многие полагают, что “узденъ” – слово чисто тюркское, происходящее от тюркского возвратного местоимения в исходном падеже *оьз* “сам + суффикс исходного падежа *ден* и таким образом, *оьзден* (букв.) “от себя [зависящий], свободный, самовластный”. <...> Важно, наконец, заметить и то, что приведенная этимология не выдерживает критики в своей основе. В карачаево-балкарском, кумыкском, да и в других тюркских языках возвратное местоимение *оьз* в исходном падеже должно было бы иметь форму *оьзюнденъ* (*özünden*), а не *оьзден*» [1, с. 29, 30]. На основе лингвистического анализа ученые пришли к важному для бытования термина *узденъ* в различных северокавказских социумах выводу, что под влиянием контаминации с тюркским *оьзден* «красивый» и народной этимологии, имеющей тюркскую почву («независимый, свободный»), «слово *усден* “родовитый, знатный” трансформировалось в *оьзден* со значением “свободный, благородный”» [1, с. 32]. Несомненно, такое превращение свободных крестьян или азатов в узденей была связана с тем, что на правах частной собственности им стали принадлежать подворные земельные участки (в Дагестане – мюльки).

В данном контексте следует обратить внимание на семантику терминов «уорк» и «узден», имевших бытование в управлявшихся демократическим образом обществах. В Нагорной Черкесии в эпоху демократических преобразований конца XVIII – первой половины XIX в. слово «уорк», как и «узденъ» в нагорных обществах Дагестана и Центрального Кавказа, стало употребляться в контексте социальной системы демократических обществ и республик в значении *независимый, свободный*. Для нового социального слоя «уорков» демократических республик и обществ, как и для «узденей» аналогичных социально-политических образований, маркирующим признаками стали: наличие кроме личной свободы – частных подворных землевладений. Этот вывод независимо друг от друга в различной системе аргументации сделали для Нагорной Черкесии – В. Х. Кажаров [14, с. 127], для Нагорного Дагестана – М. А. Агларов [15, с. 10]. Таким образом, несмотря на различия в социально-политических системах в политических субъектах с аристократическим и демократическим строем, демократические трансформации наполнили старую феодальную социальную терминологию новыми коннотациями.

Еще одним подтверждением вышесказанному – толкование термина «узденъ» в Чечне. Как известно, демократическое устройство чеченского общества не подразумевало сословного разделения, все чеченцы (за малым исключением в виде лаев и ясырей)

пользовались одинаковыми правами и составляли один общий класс «узденей». Сами чеченцы говорили, что «все чеченцы равны между собою; что все они без различия дворяне» [16, с. 452]. Аналогичным образом бытовал термин *wæzdan* / *wezdon* и в осетинском языке: «1. 'человек благородного сословия', 'дворянин', 'узденъ'» [4, с. 103]. Подтверждением тому могут выступать как исторический контекст, так и лингвистические сведения. В частности, В. И. Абаев приводит лингвистические данные, свидетельствующие о синонимичности лексем *благородный* и *вольный*: «У старшего (брата) было две жены; (из них) одна благородная (*wæzdan*), другая рабыня (*kūsæg*)» [4, с. 104]. Аналогичная семантика просматривается и в социальном термине *узденъ* балкарских преданий [1, с. 22]. Социальное положение узденей в карачаево-балкарском языке четко характеризуют следующие пословицы: *Джарлы бай болур, къул ёзден болмаз* «Бедный может стать богатым, а раб узденем никогда» [1, с. 22].

Эта точка зрения была общей для общественной философии всех демократических обществ Северного Кавказа той эпохи. Например, в демократических республиках Черкесии, где термин *узденъ* не был в ходу, после демократического переворота рубежа XVIII–XIX вв. все свободное население стало именоваться «уорками» / «дворянами», что было синонимично другому социальному термину *тлхукотль* – *вольные земледельцы*. В свою очередь, термин *тлхукотль* являлся синонимом термина «узденъ», бытовавшему в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. [12, с. 372]. Понятно, что такая синонимичность была невозможна в аристократических полициях Черкесии. Такое бытование термина «уорк» в демократических полициях можно объяснить превращением *тлхукотлей* / *тфокотлей* в мелких вотчинников, несших наряду с другими повинностями и военную повинность. Со временем, в XX в., слово «уорк» окончательно теряет свой социальный смысл: «Слово *werq* употребляется среди них [черкесов. – Ф. О.] не в социальном смысле, а в моральном: человек хорошего поведения, человек, строго придерживающийся предписаний адата, есть *werq*» [17, с. 133].

В начале XIX в. *тлхукотли* или «уорки» стали составлять в демократических республиках Нагорной Черкесии 3/4 населения [18, с. 158], этот класс общества расценивался современниками как «среднее сословие» [19, с. 92; 20, с. 523] или, согласно транскриптам черкесских адатов / *хабзэ*: «простой свободный народ» [3, с. 116]. Его права регулировались шестью статьями (§§ 38–44) IV раздела «О простом свободном народе» [3, с. 132–144] «Собрания сведений, относящихся к народным учреждениям и законоположению горцев – адату 1845 г. (Кучерова)».

В результате демократических преобразований на территории Нагорной Черкесии третье сословие получило наряду с экономическими, социальными и политическими права. Аналогичной была ситуация и в Нагорном Дагестане [15, с. 167, 168]. В демократических обществах Черкесии «уорки» делились на две степени: первую и вторую. Причем первая из них стала называться «тлехотлешами». В основе такого деления лежали как важные для общественной деятельности личные качества, так и имущественное благосостояние. В юридическом смысле «тлехотлеша» демократических республик стали стоять выше тлехотлешей княжеств, почти сравнявшись с князьями. Такая же градация наблюдалась и в других демократических обществах. В Нагорном Дагестане «уздени» разделились на богатых, средних и бедных [15, с. 167], в Чечне также на три слоя: *тоьлла нах* / сильные люди, *юккера нах* / средние люди, *лахара нах* / низшие люди [21, с. 332, 333]. Очевидно, что главный критерий дифференциации «уорков» и «узденей», состоявший в размерах обладаемого капитала, дает основание для вывода о формировании в северокавказских демократических обществах на основе товарного земледелия и торговли особого класса состоятельных людей, но при этом отличавшихся особым умом и благородством средневековых уорков и узденей.

Таким образом, анализ заимствования *узденъ* дает основание для вывода, что его семантика и бытование в том или ином языке на Северном Кавказе зависели от социального строя общества. Очевидно, следует разграничить время заимствования и бытования этого термина. Монголизм *устен* / *усден* в значении *знать* бытовал в период расцвета феодальных отношений, позднее, в условиях их кризиса и демократических трансформаций он поменял

свою семантику и на основе контаминации с тюркизмом *озьден* трансформировался в социальный термин «узденъ» с семантикой *независимый, свободный крестьянин*. Следовательно, в бытовании термина *узденъ* в языках кавказских народов как в капле воды отразился ход их социогенеза: ареал бытования социального термина «узденъ» в значении *лично свободный крестьянин* охватил многие территории: Чечню, Ингушетию, Дагестан, осетинские и балкарские общества, Карачай, Нагорную Черкессию.

Амбивалентность в использовании термина *узденъ* в русском языке была связана с отсутствием дифференциации между заимствованным в русский язык монголизмом и его контаминацией в тюркских языках, которая наложилась на первичное заимствование, сформировав таким образом полисемантическое русское заимствование.

Термин *узденъ* дифференцировано употреблялся в русском и ряде языков кавказских народов, выделяя черкесских (кабардинских) узденей (тлектотлешей) как высокородную знать, что семантически близко к монгольскому этимону *устен / усден*. Монголизм *устен / усден* был заимствован черкесским языком из монгольского языка, он был близок к монгольскому этимону, но не был органичен для лингвистической системы черкесского языка, в которой имелись исконные лексемы для обозначения различных сословных разрядов знати, которые в итоге и вытеснили его. После того, как заимствование *wasdany / wasdan* в черкесском языке стало историзмом, заимствование «узденъ» в значении «независимый крестьянин» не вошло в обиход черкесского языка, хотя в социальной действительности черкесов существовало третье сословие, черкесы предпочитали оперировать исконными социальными терминами.

И, наконец, если в средние века и в раннее новое время в терминах *узденъ* и *уорк* в большей мере фиксировалось его социальное начало, то в позднее новое время в наибольшей степени проявилась их природная семантика, связанная со свободой как имманентным качеством человека.

Список источников

1. Джидалаев Н. С., Айтберов Т. М. О термине «узденъ» на Северо-Восточном Кавказе // Социальная терминология в языках Дагестана (сборник статей). Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. С. 14–33.
2. Кавказский этнографический сборник. Т. 2: Очерки этнографии Горной Ингушетии. – Тбилиси: Мецниереба, 1968. – 333 с.
3. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. Одесса: Тип. П. А. Зеленаго, 1882. 396 с.
4. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 4 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. 326 с.
5. Брокгауз Ф. А., Ефронь И. А. Энциклопедический словарь. Т. 68 А: Углерод – усилие. – СПб.: Тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1902. 960 с.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Ред. А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова. 3-е изд. – М.: Русский язык, 1988. Т. 4 (С – Я). 778 с.
7. Бамматов Б. Г., Гаджихмедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь: более 30 тыс. слов / Под ред. Б. Г. Бамматова. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. 406 с.
8. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Пер. и сост. В. К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
9. Налоева Е. Д. Документальные данные о Казанокко Жебаги // Жебаги Казанокко (300 лет). Материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 г.) / Ред. Р. Х. Гугов, З. М. Налоев. Нальчик: КБНИИЭФ, 1987. С. 90–104.
10. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. 331 с.
11. [Казы-Гирей]. Замечания на статью «Законы и обычаи кабардинцев» // Избранные произведения адыгских просветителей / Р. Х. Хашхожева. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 110–117.

12. Алиев Б. Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 416 с.
13. Ладыженский А. М. Адагы горцев Северного Кавказа / Под ред. А. С. Зейналабидова и В. В. Черноуса / Подготовка текста и коммент. И. Л. Бабаич // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 18. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 220 с.
14. Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 438 с.
15. Агларов М. А. Этногенез в свете политантропологии и этнонимии в Дагестане: Politika-ethnika. 2-е изд. доп. Махачкала: МавраевЪ, 2013. 144 с.
16. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. Т. 1. Кн. 1. 656 с.
17. Лавров Л. И. Из поездки в черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // Советская этнография. 1936. № 4-5. С. 122–134.
18. Бижев А. Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. Майкоп: Меоты, 1994. 328 с.
19. Каменев Н. Л. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 23 (7 / 17 июня). С. 92–93.
20. Карлгоф Н. И. О политическом устройстве черкесских племен, населявших северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. Т. 28. Кн. II. С. 517–551.
21. Ахмадов Я. З., Хасмагоматов Э. Х. История Чечни в XIX–XX веках. М.: Пульс, 2005. 996 с.

References

1. Dzhidalaev N. S., Aitberov T. M. On the term "uzden" in the North-Eastern Caucasus. *Social terminology in the languages of Dagestan (collection of articles)*. Makhachkala: Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences; 1989:14–33. (In Russ.).
2. *Caucasian Ethnographic collection. Vol. 2: Essays on ethnography of Mountainous Ingushetia*. Tbilisi: Metsniereba; 1968. 333 p. (In Russ.).
3. Leontovich F. I. *Adats of the Caucasian highlanders: Materials on the customary law of the North and East Caucasus*. Issue I. Odessa: Type. P. A. Zelenago; 1882. 396 p. (In Russ.).
4. Abaev V. I. *Historical and etymological dictionary of the Ossetian language*: In 4 volumes. Lenin-grad: Nauka; 1989. Vol. 4. 326 p. (In Russ.).
5. Brockhaus F. A., Efron I. A. *Encyclopedic dictionary*. Vol. 68 A: Carbon – effort. – St. Petersburg: Type. JSC Brockhaus-Efron; 1902. 960 p. (In Russ.).
6. *Dictionary of the Russian language*: In 4 volumes / USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language; Ed. by A. P. Evgeniev, G. A. Razumnikov. Russian Russian Language, 1988. Vol. 4 (C – Ya). 778 p. (In Russ.).
7. Bammatov B. G., Gadjiakhmedov N. E. *Kumyk-Russian dictionary: more than 30 thousand words*. Edited by B. G. Bammatov. Makhachkala: IYALI DNC RAS; 2011. 406 p. (In Russ.).
8. Adygs, Balkars and Karachays in the news of European authors of the XIII–XIX centuries. / Trans. and comp. V. K. Gardanova. Nalchik: Elbrus; 1974. 636 p. (In Russ.).
9. Naloeva E. D. Documentary data on Kazanoko Zhebagi. In: *Zhabagi Kazanoko (300 years). Materials of the regional scientific conference* (October 30-31, 1985). Ed. R. H. Gugov, Z. M. Naloev. Nalchik: KBNIIEF; 1987:90–104. (In Russ.).
10. Gardanov V. K. *The social system of the Adyghe peoples (XVIII – the first half XIX century)*. Moscow: Nauka; 1967. 331 p. (In Russ.).
11. [Kazy-Giray]. Comments on the article "Laws and customs of Kabardians". In: *Selected works of the Adyghe enlighteners*. R. H. Khashozheva. Nalchik: Elbrus; 1980:110–117. (In Russ.).
12. Aliyev B. G. *The peasantry of Dagestan in the XVIII – first half of the XIX century*. Makhachkala: IIAE DNC RAS; 2009. 416 p. (In Russ.).

13. Ladyzhensky A. M. The Adats of the highlanders of the North Caucasus. Edited by A. S. Zeynalabidov and V. V. Chernous. Text preparation and commentary. I. L. Babaich. In: *South Russian Review of the Center for Systemic Regional Research and Forecasting of the IPPC at the Russian State University and ISPI RAS*. Issue 18. Rostov-on-Don: Publishing House of the Higher School of Economics; 2003. 220 p. (In Russ.).
14. Kazharov V. H. *Traditional public institutions of Kabardians and their crisis at the end of the XVIII – first half of the XIX century*. Nalchik: El-Fa; 1994. 438 p. (In Russ.).
15. Aglarov M. A. *Ethnogenesis in the light of political anthropology and ethnonymy in Dagestan: Politika-ethnika*. 2nd ed. Supplement. Makhachkala: Mavraev; 2013. 144 p. (In Russ.).
16. Dubrovin N. F. *The history of the war and Russian rule in the Caucasus*. St. Petersburg: Type. Department of the Estates, 1871. Vol. 1. Book 1. 656 p. (In Russ.).
17. Lavrov L. I. From a trip to the Black Sea Shapsugia in the summer of 1930. *Soviet ethnography*. 1936;(4-5):122–134. (In Russ.).
18. Bizhev A. H. *The Adygs of the North-Western Caucasus and the crisis of the Eastern question in the late 20s - early 30s of the XIX century*. Maikop: Meoty; 1994. 328 p. (In Russ.).
19. Kamenev N. L. Psekups basin. *Kuban military vedomosti*. 1867;23 (June 7 / 17):92–93. (In Russ.).
20. Karlhof N. I. On the political structure of the Circassian tribes inhabiting the northeastern coast of the Black Sea. *Russian Bulletin*. 1860;28(II):517–551. (In Russ.).
21. Akhmadov Ya. Z., Khasmagomadov E. H. *The history of Chechnya in the XIX–XX centuries*. Moscow: Pulse; 2005. 996 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ф. А. Озова – доктор исторических наук, доцент, академик АМАН, заведующий Отделом истории народов Карачаево-Черкесской Республики Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований имени Х. Х. Хапсирокова.

Information about the author

F. A. Ozova – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Academician of the Adyghe International Academy of Sciences, Head of the Department of the History of the Peoples of the Karachay-Cherkess Republic of Karachay-Cherkess Order "Badge of Honor" Institute of Humanitarian Studies named after H. H. Khapsirokov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.08.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 04.09.2024.

The article was submitted 16.08.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 04.09.2024.